

Происхождение и формирование шотландского языка в свете этноязыковых контактов

Н. В. Гукалова

Южный федеральный университет, Таганрог, Россия
nadegda-ni@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа ряда фактов социально-политической истории средневековой Шотландии, в значительной мере повлиявших на язык и способствовавших языковым контактам, а также динамики развития языковой ситуации, установлены условия, интенсивность и длительность таких контактов, а также оценен их вклад в лексический состав шотландского языка. Результатом исследования явился вывод автора о том, что рассматриваемый период крайне важен для истории шотландского языка, так как именно в это время сформировались условия, способствовавшие образованию шотландского языка на древнеанглийской (нортумбрийской) диалектной основе, а также появились предпосылки для возникновения собственной литературы.

Ключевые слова: языковые контакты, историческая социолингвистика, шотландский язык, старошотландский, нортумбрийский диалект, гэльский язык, нормандизация

Для цитирования: Гукалова Н. В. Происхождение и формирование шотландского языка в свете этноязыковых контактов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 32–38.

Original article

The Origin and Formation of the Scots language in the Light of Ethno-linguistic Contacts

Nadezhda V. Gukalova

Southern Federal University, Taganrog, Russia
nadegda-ni@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of a number of facts of the social history of Medieval Scotland, which significantly influenced the language and contributed to language contacts, as well as considering the dynamics of the development of the language situation, the conditions, intensity and duration of such contacts are established, and their contribution to the vocabulary of the Scots language is assessed. The result of the study was the author's conclusion that the period under consideration is extremely important for the history of Scots, since it was at that very time when the conditions for the formation of the Scots language and its own literature were formed and the contribution for its separation from Old English, the northern dialects of which became the dialect base of the Scots language, was made.

Keywords: language contacts, historical sociolinguistics, Scottish, Older Scots, Northumbrian dialect, Gaelic, Normanization

For citation: Gukalova, N.V. (2023). The Origin and Formation of the Scots language in the Light of Ethno-linguistic Contacts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 32–38.

ВВЕДЕНИЕ

Рассматриваемый в статье временной период затрагивает ступень долитературного развития (1100–1375) в периодизации истории шотландского языка по А. Эйткину [Aitken, 1985]. В целом данному этапу истории Шотландии была характерна высокая динамика миграции населения, изменение демографической ситуации, этнического состава населения, активизация языковых контактов, в частности, с народами из географически отдаленных регионов, что было связано с развитием торговли. Кроме того, в Шотландском королевстве эпохи высокого Средневековья в условиях продолжающихся внешних и внутренних конфликтов укреплялось централизованное государство. Формирование и развитие шотландского языка проходило на фоне ожесточенной борьбы средневековых государств и этнических общностей Британских островов. История сформировала облик и идентичность народов, населяющих современные Англию и Шотландию, их языки, определила сегодняшний статус этих идиомов. Целью исследования является изучение роли социально-политической истории Шотландии в языковом строительстве, изменениях, происшедших в шотландском языке, и описание специфики основ шотландской идентичности и формирования национального языка.

ЯЗЫК И РАННЯЯ ИСТОРИЯ ШОТЛАНДСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Противостояние двух наиболее многочисленных этнолингвистических групп населения Шотландии: гэлов и шотландцев англосаксонского происхождения, имеет под собой глубокие исторические корни. В исторической науке существует отдельный историографический подход, связанный с описанием истории сосуществования гэлов и англосаксов, населяющих территории королевства Альба и затем Шотландского королевства в терминах репрессий, этнических притеснений и всяческого подавления воли гэльского народа и даже порабощения, и напротив героизации горцев, противостоящих нормандской экспансии и создания образа неприемлемого соперничества двух народов.

Так, период с 1093 по 1286 год описывается некоторыми историками как эпоха ожесточенной борьбы шотландских гэлов с враждебной королевской династией, ориентированной на Англию, и сопротивления усиливающемуся нормандскому влиянию. Ряд ученых характеризуют эпоху правления династии Кэнмор (1058–1286) проведением политики, связанной с гонениями на коренное

гэльское население не только в равнинной Шотландии, но и в северных исконных регионах.

Дж. Патерсон отмечает, что для сохранения независимости Шотландского королевства и усиления роли короля, Малькольм III (1058–1093) начинает заменять подданных (рыцарей и крупных феодалов), настроенных против нововведений, чаще всего это были именно гэлы, на безземельных рыцарей англо-нормандского происхождения, переселившихся в Шотландию в поисках «лучшей доли» и представлявших собой новую организованную силу в условиях становления феодализма и военно-ленной системы [Paterson, 1855]. Однако, как утверждает автор, это не привело к резкому скачку распространения древнеанглийских диалектов на территории Шотландии в короткие сроки; гэльский продолжал оставаться основным средством общения в государстве, чему мы находим множество убедительных подтверждений.

Реформаторская деятельность Малькольма III и его супруги Маргарет оценивается многими историками как оказавшая огромное влияние на развитие страны. Малькольм III и его приемники проводили политику, направленную на нормандизацию Шотландии. Фактически, это было копирование любых идей и форм институций, ведения канцелярских записей и хроник по нормандскому образцу и на англо-нормандском языке.

В исторической науке существует периодизация, в соответствии с которой средневековая история Шотландии представлена двумя этапами: кельтским (Celtic) и германским (Teutonic). Однако такой подход является устаревшим и не выдерживающим на сегодняшний день критики. Согласно данной периодизации центральным событием, служащим точкой бифуркации, является женитьба Малькольма III на Маргарет, имеющей англосаксонское происхождение, после чего Шотландское королевство якобы попадает под влияние Англии [Hammond, 2006]. Такая концепция имеет глубокие корни в шотландской историографии, уходящие в XIX век и более ранние эпохи, основанная отчасти на заблуждениях и отчасти на стремлении отмежеваться от гэльского прошлого своего государства, а также ассоциировать себя с наиболее развитыми в цивилизационном аспекте англосаксами и норманнами. Стоит отметить в этой связи, что сам факт такого разотождествления себя с «хайлендерами» уже достаточно красноречив.

Вместе с тем невозможно отрицать важности влияния, которое было оказано на развитие Шотландии в период правления Малькольма III, Маргарет и чреды их преемников, которые осуществляли последовательную, осмысленную политику, способствующую укреплению шотландской монархии

и централизации власти, чему сопутствовало фактическое уничтожение самоуправления на местах и покорение ряда гэльских регионов: Галлоуэя (1160), Кейтнесса (1196), Аргайла (1222) и Мори (1160). Также мы находим подтверждения изгнания кельтов (гэлов) из богатой провинции Мори и заселения ее смешанными этносами юга одним из последних королей этой династии – Малькольмом VI (1153–1165) [Skene, 1876].

Необходимо отметить, что попытки подчинения королевской власти Шотландии гэльского народа и знати имело характер комплексного воздействия, и оно затрагивало многие сферы жизни данной общности. Наряду с захватом и установлением контроля над исконными территориями, еще одним важнейшим фактором противостояния было воздействие на духовную элиту. Пожалуй, наиболее существенным событием этой эпохи в данном отношении являлись преобразования в церковной сфере Шотландии, проведенные королевой-консортом Маргаритой. В соответствии с одним из историографических подходов, реформы Маргариты связываются с разрушением кельтской церкви, которая являлась средоточием культурной жизни социума, и имела значительное влияние на развитие культуры и языка. По степени своей важности данную институцию можно было сравнить лишь с влиянием двора.

Следующим фактором, игравшим весомую роль в сохранении языка, культуры и идентичности, был клановый строй кельтов. В высоком Средневековье всё сильнее становились заметны внутренние предпосылки к разложению кланового строя гэлов. И в период правления Давида I (1124–1153) данные процессы были ускорены целенаправленной политикой монарха, продолжавшего линию Малькольма III. Принцип этой политики состоял в том, чтобы путем приема на службу и жалования земель рыцарям англосаксонского или англо-нормандского происхождения в исконных гэльских областях, замещать местную элиту феодалами лояльными королю, что подрывало клановый уклад гэльского общества [Федосов, 1996].

Такая политика была в самую суть клановых отношений горцев. Как утверждает историк В. Ю. Апрыщенко: «Клановые связи как социальный институт могли реализовываться лишь в том случае, если в основе их лежали отношения владения определенной территорией, порождающие такие явления, как “клановая собственность на землю”, “межклановая вражда” <...> клан без земли считался “разбитым кланом”...» [Апрыщенко, 2006, с. 49] Всё это, в свою очередь, способствовало постепенному распространению старшотландского языка и росту его престижа за счет смены элиты этнолингвистической общности.

Факты притеснения гэлов и гэльского языка мы находим и в более поздние периоды истории. Во второй половине XIV века шотландские короли проводили политику, связанную с поддержкой литературы, написанной на старшотландском, и отвергали гэльскую письменность как чуждую шотландскому королевскому двору [The Impact of Latin Culture ..., 2018]. Патронаж гэльской поэзии и письменности осуществлялся только местной знатью и клиром, а гэльская литература развивалась при местных дворах графов и герцогов и не была востребована ни у простого населения, ни у элиты равнинной Шотландии [Mapstone, 1991]. По мнению Дж. Д. Маклюра, со смертью короля Александра III в 1286 году гэльский язык окончательно утрачивает свое влияние при дворе, в то время как на протяжении позднего Средневековья и раннего Нового времени он продолжал оставаться родным идиомом для людей, проживающих на почти половине территории Шотландского королевства [McClure, 1995a, с. 5].

Как отмечает А. Е. Павленко: «Конечно, несмотря на вытеснение гэльского языка с равнинной части страны и углублявшееся отчуждение между двумя культурами, их общение и взаимное влияние не могло полностью прекратиться. Об этом свидетельствуют гэльские лексические заимствования, имеющиеся в скотс (шотландском языке. – Н. Г.), а также свидетельства современников о присутствии выходцев из Хайленда, в том или ином качестве участвовавших в жизни общества. Вероятно, гэльский язык был распространен в некоторых районах северо-восточной Шотландии вплоть до конца XVI в.» [Павленко А., Павленко Г., с. 101]. Так рассмотренные выше примеры ярко показывают степень влияния политической власти и двора на национальный язык и его эволюцию. В силу особенностей исторического развития, географического положения и сформировавшихся взаимоотношений между данными этническими группами населения, а также укоренившихся стереотипов, и даже своего рода стигматизации гэлов, гэльский язык не смог стать идиомом, объединившим всё население Шотландии. Как справедливо заметил Дж. Патерсон: «...кажется невозможным, чтобы англосаксонский язык мог стать родным языком большей части страны в течение следующего столетия, не говоря уже о том, чтобы стать средством того неповторимого жанра лирической поэзии, которым отличается Шотландия, зародыш которого, несомненно, существовал в Шотландии в большей или меньшей степени примерно в период, о котором идет речь»¹ [Paterson, 1855, с. 71].

¹Зд. и далее перевод наш. – Н. Г.

Возвращаясь к проблеме нормандизации и распространения влияния Английского королевства на Шотландию, необходимо отметить, что в силу длительности рассматриваемого нами периода (1100–1375), можно выделить несколько периодов отношений с Англией, первый характеризовался относительно мирным сосуществованием двух королевств, второй можно связать с началом и ходом Первой войны за независимость (1296–1328).

Введение системы бургов, ставшее вехой в развитии феодального строя и государственного устройства Шотландии, и в целом внутренняя политика, проводимая королем Шотландии Давидом I (1124–1153), способствовали налаживанию торговли, которая впоследствии привела к активному перемещению населения, его смешению и пролиферации языковых контактов. Однако нормандизация Шотландии, как отмечалось выше, началась еще при его предшественниках: отце Малькольме III и матери Маргарите, которая принадлежала английскому королевскому роду. Маргарита не знала гэльского языка, поэтому языком королевской семьи стал англо-скандинавский. Кроме того, она привела ко двору английскую свиту, что оказало впоследствии огромное влияние на развитие шотландского государства.

Давид I, проведенный всю юность при английском дворе Генриха I, придя к власти, также стремился реформировать Шотландское королевство по нормандскому образцу, от законов, системы государственного управления, двора до культуры и Церкви, стараясь не отречься от кельтских традиций. Кроме введения системы бургов, Давид I также привлекал к службе англо-нормандских рыцарей, даровал им земли в Шотландии [Федосов, 1996], что затем сказывалось на этническом составе местной аристократии в укрепляющемся государстве. Жалование наделов франкоговорящим баронам, влекло за собой также и переселение принадлежавших им крестьян, для которых родным языком были диалекты англо-скандинавского. Торговые привилегии в бургах привлекали купцов из Фландрии, Рейнских земель, Франции, а также восточной части Англии [The Edinburgh ..., 2003]. Процесс нормандизации был продолжен и старшими братьями Давида I.

ХАРАКТЕР ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ И ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

С разрывом отношений с Англией значительно снизились масштаб и интенсивность англо-нормандского влияния на язык и культуру Шотландии, вместе с тем уже в период позднего Средневековья

появились весомые предпосылки для выстраивания союзнических отношений с Французским королевством, находящимся в этот период в конфронтации с Англией. Вследствие этих изменений, наблюдалось повышение динамики языковых контактов с группами населения центральной части Франции, в особенности французской аристократией, говорившей на парижском диалекте. В целом нормандский период в Шотландии отличался от аналогичного периода в Англии тем, что в Шотландском королевстве сохранялась англосаксонская элита и собственная династия. Следствием таких обстоятельств было относительно слабое влияние нормандского языка на старошотландский и меньшее количество нормандских заимствований по сравнению со среднеанглийским языком.

Наличие аристократии, говорившей на языке, который был родным для основной массы населения, оказало огромное влияние на возможность обособления языка и создало условия для трансформации нортумбрийского диалекта древнеанглийского языка в идиом, выработавший собственную письменную и литературную традицию и являющийся одним из двух национальных языков современных шотландцев, который в настоящее время имеет статус регионального.

Англо-нормандский и французский вместе с тем были одними из основных ресурсов пополнения лексического состава старошотландского языка, что касалось и долитературного периода, и в особенности этапа расцвета придворной поэзии. А. Эйткин отмечает, что основная масса заимствований из англо-нормандского, относящихся к общеупотребительной лексике, а не словам, связанным, например, с образом жизни аристократии, вероятно, вошли в оборот еще в долитературный период шотландского языка (1100–1375), т. е. данный пласт заимствований был связан с процессами нормандизации и политикой шотландских правителей, а не с хронологически более поздним союзом Шотландии и Франции, как это можно было бы предположить [Aitken, 1954].

Из чего можно сделать вывод о том, что заимствования из англо-нормандского и французского проходили в два этапа: сначала, в долитературный период заимствования ассимилировались в народной речи (старошотландской), а на этапе развития литературы и письменности, заимствования пополняли во многом лишь социолект шотландской придворной аристократии, при этом основное влияние на последний оказывал именно парижский диалект среднефранцузского языка.

Интересен в этой связи факт, касающийся процессов заимствований из гэльского языка. Согласно исследованиям А. Эйткена, количество заимствований

лексики из гэльского языка в шотландский крайне мало, хотя, по утверждению ученого, условия для заимствований были более чем благоприятными в XI–XII веках, учитывая фактор этнической смешанности населения и многоязычия шотландской аристократии [Aitken, 1954]. Чаще всего заимствовались слова, обозначающие реалии, отражающие образ жизни гэлов, а также лексика, описывающая рельеф местности, ландшафт и топонимы. Фактически степень заимствований из гэльского является меньшей, чем степень влияния среднефранцузского, древнескандинавского и даже средненижнемецкого. Дж. Д. Маклюр обращает внимание на тот факт, что данное утверждение является истинным лишь для языка литературной традиции равнинной Шотландии и для наддиалектного литературного варианта известно как «лаланс» (Lallans). В диалектах севера Шотландии, ареал распространения которых находится в тесной близости к регионам с гэльскоговорящим населением, общее число лексических заимствований насчитывает сотни слов, а влияние гэльского языка на данную диалектную группу, по мнению автора, слишком приуменьшено учеными [MacClure, 1995b]. Кроме того, беря во внимание факт отсутствия у шотландского языка на сегодняшний день языковой нормы и рассматривая данный идиом в контексте всей полноты его территориальной, социальной и временной вариативности, выдвигаемое рядом исследователей утверждение будет выглядеть гораздо менее категорично.

Однако, что касается в целом старшотландского языка (1100–1700), можно судить о нем во многом лишь по сохранившимся памятникам средневековой литературы, тексты которой являются весьма неоднородными по используемой авторами орфографии, лексике и грамматике, а также затрагивающие продолжительный по длительности период, включающий в себя несколько пластов исторического развития шотландского языка.

ВЛИЯНИЕ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОГО

Необходимо отметить, что древнескандинавский язык (Old Norse language) явился одним из основных и, вероятно, самым значимым источником пополнения лексического состава старшотландского языка, в особенности на ранних этапах его существования. Однако механизм и условия влияния древнескандинавского существенно отличались от воздействия англо-нормандского языка на старшотландский. Поскольку он в меньшей степени «насаждался сверху» и его влияние оказалось отложенным, так как оно происходило из-за большого числа переселенцев, принесших с собой

собственный идиом еще в долитературный период шотландского языка, в то время как, следы этого влияния мы находим позднее, уже в памятниках средневековой и ренессансной придворной поэзии. В то же время, весьма примечательным является то, что мы не наблюдаем свидетельств о массовом заимствовании языковых элементов из древнескандинавского в шотландских документах и памятниках письменности периода скандинавских завоеваний [Flom, 1966].

Безусловно, влияние древнескандинавского было заметно и в IX–XI веках, что говорит о том, что данный идиом значительно повлиял на эволюцию нортумбрийского диалекта, иными словами, на язык коренного населения, который и стал «прародителем» старшотландского языка. Данный диалект, наряду с другими диалектами древнеанглийского языка, подвергся непосредственному влиянию древнескандинавского. По утверждению Дж. Флома, древнескандинавский язык оказал большое влияние на целый макроареал, так как большое количество скандинавских заимствований мы находим и в гэльском, и в ирландском, и в равнинном шотландском языках. Ученый также указывает на возможность того, что некоторые из подобных заимствований попали в шотландский язык через гэльский, а не непосредственно из древнескандинавского, вместе с тем подчеркивая, что в поэме «Брюс» Дж. Барбура (ок. 1320–1395), а также в поэзии У. Данбара (ок. 1460–1520) и А. Монтгомери (ок. 1550–1598), относящихся к хронологически более позднему периоду, скандинавские элементы очень заметны [Flom, 1966].

По иной гипотезе, заимствование широкого пласта лексики и иное влияние, в частности в аспекте фонетических изменений, связано не с заселением равнинной территории скандинавами и их ассимиляции с исконным населением юга Шотландии, а со вторичным заимствованием, сопряженным с заселением территорий Шотландии английскими переселенцами с севера Англии и из других ее регионов. Так, английские переселенцы принесли с собой уже усвоенные ими черты древнескандинавской речи, которую некоторые исследователи называют также англо-скандинавским языком, и именно этот идиом оказал наибольшее влияние на старшотландский язык, а точнее, на его диалектную основу – нортумбрийский диалект древнеанглийского языка на завершающей стадии его существования [Aitken, 1954].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, идиом, формировавшийся в данный период на территории равнинной Шотландии,

стал основой для образования в дальнейшем шотландского языка, близкородственного английскому. При этом, как было отмечено выше, становление шотландского языка происходило в условиях интенсивной конкуренции с другими языками и диалектами, распространенными в рассматриваемом регионе. Параллельно с обретением политической самостоятельности Шотландией в Первой войне за независимость, также продолжалось постепенное вытеснение исконного кельтского населения с территории равнинной Шотландии на запад и северо-запад острова, и как следствие, происходило неуклонное сокращение ареала гэльского языка и культуры и вместе с тем расширение ареала англосаксонской речи. Уже ко второй половине XIV века регион горной Шотландии воспринимался жителями равнины как обособленная и отчужденная область, а у населения укоренилось четкое осознание различий между двумя народами. Как утверждает А. Е. Павленко: «На протяжении этого длительного периода формировались образы “хайлендера” и “лоулендера” как самостоятельные социокультурные стереотипы, причем, судя уже по ранним свидетельствам, преимущественно как стереотипы антагонистические» [Павленко, 2003, с. 136].

Итак, специфика социального развития сформировала многие условия, которые способствовали изменениям в языке средневековой Шотландии и появлению предпосылок для развития литературы и письменности. В этом отношении,

основным фактором для появления данного процесса можно назвать обретение политической независимости и попытка построения централизованного государства.

По аналогии с представлением о современном шотландском как о «языковом континууме, полюсами которого являются разговорная речь сельских жителей наиболее консервативных регионов, с одной стороны, и литературный шотландский национальный вариант английского языка (*Scottish Standard English*) – с другой» [The Edinburgh Companion to Scots, 2003, с. 2], долитературный период старошотландского языка также, безусловно, можно охарактеризовать как континуум. Однако такому континууму было свойственно не только наличие многообразия диалектных вариантов с отсутствием четких границ их распространения, но и сосуществование с конкурирующими дальнеродственными и близкородственными идиомами (гэльским языком, древнескандинавским и англо-скандинавскими диалектами, нормандским, англо-нормандскими диалектами, диалектами среднефранцузского, средневековыми фламандским и нижненемецким, средненидерландским и латынью), которые активно использовались различными этноязыковыми общностями на данной территории. Так, формирование шотландского языка происходило в условиях тесных языковых контактов и миграции населения, а языковой ситуации рассматриваемого региона в данный период была свойственна изменчивость.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Aitken A.J. A History of Scots // Collected Writings on the Scots Language / Ed. by C. Macafee. 1985. Scots Language Centre URL: [http://medio.scotslanguage.com/library/document/aitken/Scots_and_English_in_Scotland_\(1984\)](http://medio.scotslanguage.com/library/document/aitken/Scots_and_English_in_Scotland_(1984)).
2. Paterson J. The Origins of the Scots and the Scottish language: An inquiry preliminary to the proper understanding of Scottish history and literature. Edinburgh, 1855.
3. Hammond M. H. Ethnicity and the Writing of Medieval Scottish history // The Scottish Historical Review. 2006. 85 (1). P.1–27.
4. Skene W. F. Celtic Scotland: A History of Ancient Alban. Vol. 1. Edinburgh. 1876.
5. Федосов Д. Г. Рождение в битвах: Шотландия до конца XIV века – М., ИВИ РАН, 1996.
6. Апрыщенко Ю. В. Клановая система Горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 2006.
7. The Impact of Latin Culture on Medieval and Early Modern Scottish Writing / Ed. by A. Petrina and I. Johnson. Western Michigan University. 2018.
8. Mapstone S. Was there a Court Literature in Fifteenth-century Scotland? // Studies in Scottish Literature: Vol. 26.1991. Iss. 1. P. 410–422.
9. McClure J. D. Lowland Scots: an ambivalent national tongue // Scots and its Literature / Ed. by J. D. McClure. Amsterdam – Philadelphia, 1995. P. 5–20.
10. Павленко А.Е., Павленко Г.В. Роль этнокультурных стереотипов в социальной истории регионального языка равнинной Шотландии // Вестник Черниговского национального педагогического университета им. Т. Г. Шевченко. Вып. 131, 2015. С. 100–103.
11. The Edinburgh Companion to Scots / Ed. by J. Corbett, J. D. McClure, J. Stuart-Smith. Edinburgh University Press, 2003.
12. Aitken A.J. Sources of the vocabulary of Older Scots // Collected Writings on the Scots Language / Ed. by C. Macafee. 1954. P. 1–14.
13. MacClure J. D. What Scots owes to Gaelic // Scots and its Literature / Ed. by J. D. MacClure. Amsterdam-Philadelphia, 1995. P. 68–85.

14. Flom G. T. Scandinavian influence on Southern Lowland Scotch: a contribution to the study of the linguistic relations of English and Scandinavian. AMS Press inc.: New York, 1966.
15. Павленко А. Е. Региональный язык и его статус (на материале языковой ситуации в равнинной Шотландии). СПб.: Наука, 2003.

REFERENCES

1. Aitken, A. J. (1985). A History of Scots. In Macafee, C. (ed.), *Collected Writings on the Scots Language*. Scots Language Centre. [http://medio.scotslanguage.com/library/document/aitken/Scots_and_English_in_Scotland_\(1984\)](http://medio.scotslanguage.com/library/document/aitken/Scots_and_English_in_Scotland_(1984)).
2. Paterson, J. (1855). *The Origins of the Scots and the Scottish language: An inquiry preliminary to the proper understanding of Scottish history and literature*. Edinburgh.
3. Hammond, M. H. (2006). Ethnicity and the Writing of Medieval Scottish history. *The Scottish Historical Review*, 85(1), 1–27.
4. Skene, W. F. (1876). *Celtic Scotland: A History of Ancient Alban* (vol. 1). Edinburgh.
5. Fedosov, D. G. (1996). *Rozhdenie v bitvax: Shotlandiya do koncza XIV veka = Birth in battles: Scotland to the end of the 16th century*. Moscow: Institute of World History Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
6. Apryshchenko, Yu. V. (2006). *Klanovaya sistema Gornoj Shotlandii: tradicii i modernizaciya = The clan system of the Highlands of Scotland: traditions and modernization*. Rostov-on-Don: Rostov University Press. (In Russ.)
7. Petrina, A., Johnson, I. (Eds.). (2018). *The Impact of Latin Culture on Medieval and Early Modern Scottish Writing*. Western Michigan University.
8. Mapstone, S. (1991). Was there a Court Literature in Fifteenth-century Scotland? *Studies in Scottish Literature*, 26(1), 410–422.
9. McClure, J. D. (1995a). Lowland Scots: an ambivalent national tongue. In McClure, J. D. (ed.), *Scots and its Literature* (pp. 5–20). Amsterdam – Philadelphia.
10. Pavlenko, A. E., Pavlenko, G. V. (2015). Rol' e'tnokul'turny'x stereotipov v social'noj istorii regional'nogo yazy'ka ravninnoj Shotlandii = The role of ethno-cultural stereotypes in the social history of the regional language of Lowland Scotland. *Bulletin of the Chernihiv National Pedagogical University*, 131, 100–103. (In Russ.)
11. Corbett, J., et al. (2003). *The Edinburgh Companion to Scots*. Edinburgh University Press.
12. Aitken, A. J. (1954). Sources of the vocabulary of Older Scots. In Macafee, C. (ed.), *Collected Writings on the Scots Language* (pp. 1–14).
13. MacClure, J. D. (1995b). What Scots owes to Gaelic. In McClure, J. D. (ed.), *Scots and its Literature* (pp. 68–85). Amsterdam – Philadelphia.
14. Flom, G. T. (1966). *Scandinavian influence on Southern Lowland Scotch: a contribution to the study of the linguistic relations of English and Scandinavian*. New York: AMS Press Inc.
15. Pavlenko, A. E. (2003). *Regional'ny'j yazy'k i ego status (na materiale yazy'kovej situacii v ravninnoj Shotlandii) = Regional language and its status (based on the material of the language situation in lowland Scotland)*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гукалова Надежда Владимировна

ассистент Института компьютерных технологий и информационной безопасности
Южного федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gukalova Nadezhda Vladimirovna

Assistant Lecturer at the Institute of Computer Technology and Information Security
Southern Federal University

Статья поступила в редакцию	15.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.09.2023	
принята к публикации	18.10.2023	